

УДК 141.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья является продолжением предыдущей, опубликованной автором в предшествующем выпуске журнала. Показывается, что любая философская теория и разработанная на ее основе концепция социального идеала так или иначе обусловлены проблемами существующей социальной реальности. И в то же время различные модели социализма, существовавшие в прошлом столетии, согласно заявлениям политических лидеров этих стран, представляли собой практическую реализацию учения Маркса. Определенно, Советский Союз был результатом революционной созидательной деятельности Ленина и его соратников, которые являлись преданными сторонниками марксизма. Почему же не состоялся социалистический проект в России? Анализируется проблема соотношения социального идеала, разработанного основоположниками марксизма, и той социальной реальности, которая возникла в результате его реализации. Выявляется различие между утопией и научно обоснованным социальным идеалом, рассматриваются трудности реализации любого социального идеала (теории). Показывается, что, несмотря на то что построенный в Советском Союзе социализм вызывает у многих исследователей вопросы, касающиеся природы этого общества, Ленин и его соратники при строительстве социализма опирались на идеи основоположников марксизма. Исследуются причины возникших различий между реальным социализмом и социальным идеалом Маркса, раскрываются факторы, способствовавшие распаду Советского Союза, среди которых немаловажное значение имело упрощенное, поверхностное понимание диалектики межформационного перехода и критериев выделения различных типов обществ.

Ключевые слова: теория и практика, социальный идеал, утопия, реальный социализм, «грубый коммунизм», «коренная задача советской власти», Советский Союз, формация, «загадка истории».

MARX'S THEORETICAL HERITAGE AND MODERNITY. PART 2. THEORY AND PRACTICE OF MARXISM

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University

The article is a continuation of previous one, published in the preceding issue of this journal. It shows that any philosophical theory and a concept of the social ideal developed on its basis are somehow conditioned by the problems of the existing social reality. According to political leaders, the various models of socialism that existed in the last century represented the practical implementation of Marx's teachings. Certainly, the Soviet Union appeared as a result of revolutionary activities of Lenin and his associates, who were devoted supporters of Marxism. Why did the socialist project fail in Russia? The article analyzes the problem of correlation between the social ideal developed by the founders of Marxism and the social reality that arose as a result of its implementation. The difference between utopia and a scientifically based social ideal is revealed, the difficulties of implementing any social ideal (theory) are considered. Socialism built in the Soviet Union causes many questions concerning the nature of this society; however, in the process of its construction Lenin and his associates relied on the ideas of the founders of Marxism. The paper studies the reasons for the differences between real socialism and Marx's social ideal and identifies the factors that contributed to the collapse of the Soviet Union. According to the author's position,

among those factors, of great importance was the superficial understanding of both the dialectics of inter-formational transition and criteria for distinguishing various types of society.

Keywords: theory and practice, social ideal, utopia, real socialism, «crude communism», «fundamental task of Soviet power», Soviet Union, formation, «mystery of history».

Социальная философия и социальная реальность

Любая социальная теория так или иначе связана с практикой, обусловлена ею. Теория идеального государства Платона была разработана в связи с угрозой распада античного полиса. «Левиафан» Гоббс написал под влиянием гражданской войны в Англии. Марксизм, как уже отмечалось, возник как теоретическая рефлексия масштабных кризисов капитализма и осознание необходимого поиска научно обоснованных путей выхода из этого кризиса. Платон, Аристотель, Сенека, а на Востоке — Будда, Конфуций, Шан Ян, нередко рискуя жизнью, пытались реализовать свои учения в социальной действительности. Практическая ориентированность — важнейшая особенность учения Маркса, о чем мыслитель недвусмысленно заявлял уже в своих ранних работах. Почти за три тысячи лет истории философии был впервые реализован социальный проект немецкого мыслителя, что свидетельствует о востребованности этого учения. Но именно способ реализации социального проекта Маркса и его результаты, как уже отмечалось, вызывают острые дискуссии.

Любая социальная практика так или иначе опирается на какие-то принципы, нормы, смыслонизменные ценности, которые, в свою очередь, фундируются какой-то идеологией, примитивной или тщательно разработанной. По этим формальным и официально декларируемым признакам в 60–70-х гг. прошлого столетия между социалистическими странами не было существенных различий. Руководители этих стран позиционировали себя в качестве марксистов и официально заявляли о своих намерениях реализовать социальный проект Маркса. Но если сравнить реально существующие в этих странах общества, например, корпоративный социализм, построенный И.Б. Тито в Югославии, с развитым социализмом в Советском Союзе эпохи Л.И. Брежнева и социализмом КНР в период правления Мао Цзедунa, то различия между странами окажутся значительны-

ми. Речь идет не только об уровне жизни людей, но и о политическом режиме, степени обеспечения прав и свобод индивидов и других важных показателях. «Красные кхмеры» тоже использовали марксистскую лексику и заявляли о своих намерениях построить в Камбодже «сто процентное коммунистическое общество». Как помнится, руководители кхмерских революционеров даже хвастались тем, что в продвижении к бесклассовому обществу они опередили своих старших китайских товарищей. Это и понятно: в стране были фактически уничтожены вся интеллигенция и все этнические меньшинства, городское население согнано в сельские районы для выращивания риса, ликвидирована не только частная, но и личная собственность. Чем не бесклассовое общество? За 1975–1979 гг. в стране из семимиллионного населения было уничтожено около трех миллионов человек. Имеет ли отношение эта политическая практика камбоджийских псевдореволюционеров к коммунистическому проекту Маркса, в котором предполагалось отсутствие частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком? Очевидно, нет. Согласуется ли беззаконие, творимое у нас в стране в 30–40-е гг. прошлого столетия карательными органами государства, с принципами свободы, справедливости, гуманизма, отстаиваемыми Марксом? А ведь руководители страны считали себя последовательными марксистами-ленинцами.

Заметим: отход от теории Маркса, как уже отмечалось, был осуществлен уже Лениным. Более того, этот отход был условием осуществления социалистической революции в не очень развитой, периферийной, преимущественно аграрной стране, находящейся в начале капиталистической индустриализации. Эти особенности России, по мнению Ю.В. Олейникова, и были факторами, определившими незрелость российского пролетариата как субъекта, неспособного овладеть революционной теорией и обеспечить переход человечества от предыстории к подлинной истории [Олейников Ю.В., 2018, с. 27–28].

Теория и практика, безусловно, взаимосвязаны, но они отнюдь не совпадают. «Ценность теории, — пишет К. Кумар, — заключается в ее отдаленности от практической действительности, в их несоотнесенности» [Кумар К., 1992]. Отчасти можно согласиться с этим суждением английского историка, поскольку любая глубокая теория разрабатывается на основе анализа большого фактологического материала, который выходит за пределы существующей социальной реальности и социальной практики. Кроме того, теория описывает, объясняет и, что особенно важно отметить, предсказывает будущее на уровне общего (или всеобщего). Общий (абстрактный) характер теории и прогноза, на базе которых формируется социальный идеал, является, как это ни парадоксально, необходимым условием их практической реализации. Социальный идеал с подробным описанием его конкретных признаков не реализуем по определению, даже если он разработан применительно к конкретной социальной реальности. В таком случае социальный концепт, не обладая достоинством общности, представляет собой конкретно реализуемый проект. Но в любой практической деятельности, как отмечал Гегель, встречаются два противоположных мира: «...один мир есть царство субъективности в чистых пространствах прозрачной мысли, другой мир — царство объективности в стихии некоторой внешней многообразной действительности, которое есть неотомкнутое, нераскрытое царство тьмы» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 91]. Попытка людей перестроить «нераскрытое царство тьмы» в соответствии с принятым проектом наталкивается на сопротивление преобразуемой действительности, обусловленное ее неожиданной сложностью. Необходимость реализации проекта диктует его творческое изменение, отказ от тех или иных конкретных признаков. Поэтому практически воплощенный концепт может заметно отличаться от заранее разработанного проекта. Словом, социальный идеал не может иметь подробное описание конкретных признаков будущей социальной организации. В связи с этим вполне объяснима мысль Маркса о том, что он не сочиняет рецептов для кухни будущего [Маркс К., 1960, с. 19]. Не менее категоричен на этот счет Ф. Энгельс: «Мудрствовать о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведет прямо в область

утопии» [Энгельс Ф., 1961b, с. 282]. «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас» [Энгельс Ф., 1962, с. 563]. Основовоположники марксизма ограничились формулированием лишь некоторых общих принципов организации будущего общества, которое должно прийти на смену капитализму. Однако несовпадение теории и практики ее реализации не может быть основанием для объявления любой социальной концепции утопией, как это делает К. Кумар.

Чем отличается утопия от научной теории? Утопия конструируется как антитеза существующему обществу с подробным описанием социального идеала. Но этот «идеал не выражает реально существующие тенденции изменения отражаемого им объекта» [Калашников М.Ф., 2006, с. 27]. Поэтому он не описывает, не объясняет способы достижения цели, ввиду чего остается принципиально не реализуемым на практике проектом.

Социальный идеал, разработанный на основе научной теории, также является противоположностью существующего общества. Это обусловлено тем, что базовые принципы грядущего общества (общественная собственность, централизованное управление общественным производством, диктатура пролетариата и т.д.) призваны устранить факторы, определяющие глубинные противоречия и несправедливый характер буржуазного общества. Сама эта теория является результатом критического научного анализа реально существующего общества. Она описывает, объясняет, предсказывает будущее наличной социальной реальности на основе выявления и познания ее сущностных тенденций. Поэтому описываемая в социальном идеале реальность является не фантазией философа, а более или менее точным предсказанием будущего социального организма, закономерно возникшего в результате развития и самоотрицания актуально существующего общества. Отметим, что это общество представляет собой развитый капитализм. Тем не менее реализованный в СССР и некоторых других странах социальный проект социализма заметно отличается от социального идеала, представленного в трудах Маркса и Энгельса. В связи с этим возникают как минимум два вопроса. Первый — является ли общество, построенное в СССР (и других странах), дей-

ствительно социалистическим? Второй — чем обусловлено расхождение между обществом, возникшим в результате реализации социального идеала Маркса, и самим социальным идеалом? Является ли это естественным результатом столкновения двух «миров», о которых писал Гегель («царства субъективности» абстрактных идей философа и «царства объективности» непознанного «царства тьмы»), или же это расхождение имеет другую природу? Ответ на последний вопрос дает возможность уяснить причину развала СССР (и социалистической системы) и потому имеет не только чисто теоретическое значение.

Итак, был ли в Советском Союзе социализм? Представляется уместным здесь присоединиться к авторитетному мнению Т.И. Ойзермана. «...Расхождение между тем образом социализма, который предстает перед нами в трудах Маркса и Энгельса, и “реальным социализмом”, — отмечает академик, — не дает каких-либо оснований для отрицания действительного существования социалистического строя в СССР и ряде других стран. Во всех этих странах была упразднена капиталистическая собственность на средства производства, а следовательно, и класс капиталистов. Средства производства стали общественной, точнее, государственной собственностью, как это и предвидел Энгельс. И констатируя это коренное отличие советского общества от капиталистического строя, нельзя избежать вывода: в СССР был построен социализм» [Ойзерман Т.И., 2002, с. 17].

В аналитике можно обнаружить самые разные характеристики общества, которое существовало в Советском Союзе и других социалистических странах. Одни признают существование в СССР социализма, но, как и Т.И. Ойзерман, выражают свое категорическое неприятие этой социальной организации, ассоциируя ее с репрессиями, убогим бытом и дефицитом. Другие признают Советский Союз социалистической страной, где существовало гарантированное государством право на труд, на бесплатное жилье, образование, здравоохранение, возможность простых людей влиять на принятие производственных и социально-политических решений, и ностальгируют по нему. Третьи признают СССР разновидностью буржуазного общества [Бузгалин А.В., Линке П., 2013].

О некоторых причинах несовпадения социального идеала и созданной на ее основе социальной реальности

Различие оценок одного и того же общества, существовавшего в Советском Союзе и других социалистических странах, обусловлено не только разными идеологическими и политическими предпочтениями исследователей, но и сложной, даже противоречивой социально-политической реальностью, ставшей предметом анализа ученых. Ниже попытаемся ответить на вопрос о том, чем вызваны различия между существовавшим в Советском Союзе социализмом и социальным идеалом, разработанным Марксом.

Здесь можно отметить следующие обстоятельства. Необходимо отличать общественно-экономическую формацию как таковую (типологическая характеристика общества — научный концепт) от конкретной общественно-экономической формации (особого исторического типа общества), а эту последнюю — от конкретного общества, через которое она существует. Общее, особенное, единичное существуют через отдельное и в отдельном. Конкретная общественно-экономическая формация существует через отдельное и в отдельном. Конкретный социор (отдельное) ввиду неравномерности и противоречивости исторического процесса сложнее особого типа общества, поскольку он помимо сущностных признаков особого исторического типа общества — конкретной общественно-экономической формации — может включать «чужеродные» элементы, не свойственные этому социальному идеалу. Руководствуясь концепцией исторического процесса Ю.И. Семенова, можно сказать, что конкретный социор может нести в себе черты параформаций или праформаций [Семенов Ю.И., 1997; Семенов Ю.И., 1998]. Такие «вкрапления» в советской системе дают основание некоторым исследователям утверждать, что в СССР была построена особая социально-антагонистическая формация, не совпадающая ни с капитализмом, ни с социализмом [Бузгалин А.В., Линке П., 2013]. Подобная характеристика советского общества оказывается возможной, когда в центре внимания исследователя оказываются исключительно особенности конкретного социора, не укладывающиеся в при-

знаки социального идеала, но при этом игнорируются наличествующие сущностные черты социализма, как то: общественная собственность на средства производства, плановое централизованное управление общественным хозяйством, социальный характер государства и т.д.

Исторический процесс обладает ярко выраженной преемственностью. Поэтому помимо сущностных признаков, свойственных социальному идеалу, общество несет в себе элементы предыдущих формаций. Это дает основание ассоциировать советское общество с госкапитализмом и даже феодализмом. В новейшей истории смещение исторических эпох далеко не редкость. В XX в. в Великобритании и США зрелый капитализм не только сосуществовал с рабовладением, но и включал этот чужеродный реликт в свою систему [Шаинян К., 2015]. Отчуждение между властью и народом, усилившееся в 70–80-е гг., в эпоху кризиса в СССР, дает основание проводить параллель между советским социализмом и госкапитализмом.

Значимым фактором, определившим возникновение различий между реальным социализмом и социальным идеалом, является низкий уровень социально-экономического развития общества, в котором реализовывался социальный проект Маркса. Ученый разработал свой социальный идеал на основе изучения зрелого капитализма. Социализм, по Марксу, возникает в результате развития и закономерного самоотрицания буржуазного общества. Исторический опыт строительства социализма в XX в. в разных странах свидетельствует о том, что чем ниже стартовые позиции общества, в котором осуществляются революционные преобразования, тем больше различий между социальным идеалом и полученным результатом. Отсталым, преимущественно крестьянским странам за несколько десятилетий преодолеть путь, пройденный другими народами за несколько столетий, трудно, если вообще возможно. Конечно, люди сами делают свою историю, «но они, — как отмечал Маркс, — делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо или перешли им от прошлого» [Маркс К., 1957а, с. 119]. И среди этих обстоятельств «экономические условия являются в конечном счете решающими» [Энгельс Ф., 1965, с. 395]. Вполне

объяснимо желание революционеров быстро ошастлиивать свой народ, построив бесклассовое, справедливое общество свободных граждан. Но возможно ли реализовать вековечную мечту человечества путем простой отмены частной собственности и введения централизованного управления всем общественным хозяйством в стране периферийного капитализма, какой была Россия накануне революции? Этот вопрос тем более уместен по отношению к странам формирующегося капитализма: Монголии, Вьетнаму, Китаю и др. В таких странах мог быть создан, если использовать определение Маркса, лишь «грубый коммунизм». По мнению философа, «грубый коммунизм» является результатом абстрактного отрицания частной собственности, а не подлинного ее освоения. «Для такого рода коммунизма, — писал Маркс, — общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом...» [Маркс К., 1974, с. 115]. Есть основания полагать, что идеи о «грубом капитализме» у ученого возникли после осмысления социальной концепции Руссо. Однако нельзя не заметить, что эти мысли предсказывали результаты первых лет революционной практики в России и некоторых других странах. Очевидец революционных событий А.А. Богданов характеризовал политику большевиков в области труда и заработной платы («всем поровну») как проявление «донаучного ребяческого коммунизма» [Богданов А.А., 1990, с. 348]. Размышляя относительно «грубого коммунизма», Маркс отмечал, что абстрактное отрицание частной собственности дополняется таким же «отрицанием всего мира культуры и цивилизации» [Маркс К., 1974, с. 115]. Уместно отметить, что революции в России и особенно в Китае и Камбодже подтвердили эти прогнозы Маркса.

Действительно, смену собственности сопровождали масштабные драматические процессы «зряшного» (по Ленину) отрицания предыдущего (буржуазного) мира культуры и цивилизации. Оценивая происходящие в стране события, А.А. Богданов писал: «Нам предлагают теперь “узнавать” грядущий социализм в отвратительной карикатуре на него, порожденной войной и старым строем» [Богданов А.А., 1990, с. 350]. Необходимо отметить, что чрезвычайные меры, введенные большевиками после ре-

волюции, дискредитирующие, согласно современникам, идею социализма, были обусловлены реальными внутренними и внешними угрозами существованию советской власти [Ойзерман Т.И., 2002, с. 19]. Однако нельзя не согласиться с предположением Т.И. Ойзермана о том, что экономическая разруха, гражданская война и прочие негативные процессы, поставившие под вопрос власть большевиков, были следствием упразднения частной собственности, товарно-денежных отношений, введения коммунистического распределения, т.е. политики поспешной реализации в России коммунистического проекта Маркса. Формально политика большевиков соответствовала идеям основоположников марксизма. «Раз общество возьмет во владение средства производства, — писал Энгельс, — то будет устранено и товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителем» [Энгельс Ф., 1961а, с. 227]. Но, как отмечалось ранее, социальный проект нового типа общества основоположники марксизма разрабатывали на основе исследования зрелого капитализма. Возможно, поэтому они четко не разграничивали низшую и высшую ступени коммунистической формации.

Социалистическая революция в такой стране, как Россия, могла быть и была революцией политической. В экономике новая власть осуществила революцию собственности. Но быстрое упразднение частной собственности вовсе не означает формирования нового способа производства, который, по Марксу, является основанием и индикатором нового типа общества. Революция собственности была примером «абстрактного отрицания», свойственного, если следовать оценке Маркса, «грубому капитализму». Такое отрицание, как отмечал Маркс, возвращает общество «к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос еще до нее» [Маркс К., 1974, с. 115]. Введение производственных отношений, не соответствующих уровню производительных сил, поставило страну на грань экономической катастрофы, создало реальную угрозу завоеваниям революции. Ленин, нарушив принципы построения нового типа общества, сформулированные основоположниками марксизма, переходит к

новой экономической политике. Результаты не заставили себя ждать. За 10 лет страна не только преодолела голод, разруху и другие негативные последствия гражданской войны, но и превзошла экономические показатели России 1913 г. Политика ускоренного перехода к социализму в Китае и Камбодже также свидетельствует о том, что волонтаристский подход к историческому процессу оборачивается колоссальными экономическими, социальными, политическими и нравственными потерями. Строительство карикатурных форм социализма не только дискредитирует идеи социализма, но и отбрасывает общество на десятки лет назад.

Реформы в Китае, начатые в конце 70-х гг. прошлого века Дэн Сяопином, на наш взгляд, являются китайским вариантом новой экономической политики. В результате ее реализации КНР из мировой периферии за исторически короткий срок переместилась в ядро мир-истории, став второй экономической державой на планете. Осознавали ли лидеры большевиков, что они совершили революцию в стране периферийного капитализма, где отсутствует должная экономическая база для реализации социального проекта Маркса? Конечно, да. Но, похоже, поначалу не было полного понимания всей сложности решения стоявшей перед новой властью задачи создания более высокого, сопоставимого с капитализмом общественного уклада и, соответственно, более высокой производительности труда. В 1918 г. в «Очередных задачах советской власти» Ленин пишет, что на это потребуется несколько лет [Ленин В.И., 1974, с. 187]. Через год в работе «Великий почин» он указывает на то, что «капитализм может быть окончательно побежден и будет побежден тем, что социализм создаст новую гораздо более высокую производительность труда» [Ленин В.И., 1970, с. 21]. Ленин уже более осторожен в определении сроков решения «коренной задачи советской власти». «Это дело очень трудное и очень долгое» [Ленин В.И., 1970, с. 21], — замечает руководитель Советского государства. Для осуществления социализма он призывал перенять все ценные завоевания капитализма в науке, технике и организации труда.

Проблемы догоняющего развития

Идея догоняющего развития оказалась весьма притягательной. Однако при ее реализации, как свидетельствует исторический опыт Советского Союза и постсоветской России, страна сталкивается с двумя трудноразрешимыми проблемами. Первая проблема обусловлена тем, что передовые достижения науки, техники, технологии, организации труда возникают в иной социально-экономической среде, при функционировании иных социальных институтов. Перенимаемые достижения являются неотъемлемым элементом иной системы, иного культурно-исторического опыта. Поэтому заимствование даже отдельных достижений в развитии техники, технологии, организации производства требуют перестройки всей цепочки производственного процесса, а модернизация экономики — перестройки фактически всех основных сфер общественной жизни. Причем слабым звеном в этой модернизации оказывается сам человек. Это признавал и Ленин. «Русский человек, — писал руководитель молодого Советского государства, — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного строя» [Ленин В.И., 1974, с. 189]. В признании Ленина нет ничего антирусского, оно выражает лишь эмпирически фиксируемую общую закономерность развития человечества. В обществе нет ничего, что не было бы результатом реализации человеческих сущностных сил. Наука, техника, технологии, организация производства, институты, государство и т.д. являются результатом объективации сущностных сил человека. Поэтому они оказываются индикатором уровня развития человеческой сущности. Качественным показателем развития сущности человека выступают технологический уклад и обусловленные им производственные технологии. Производительность труда выступает количественной характеристикой развития сущности социальных индивидов, из которых состоит данное общество. И если уровень развития личностного элемента производительных сил не соответствует уровню развития заимствованной зарубежной высокопроизводительной техники, то она вскоре превратится в груды мертвого металла. Соответствен-

но, и приобретенная дорогостоящая технология не дает нужного результата.

Вторая проблема обусловлена внешними (геополитическими) факторами. Все вышеуказанные трудности со временем могут быть преодолены, если народ, реализующий программу догоняющего развития, при модернизации своей экономики получит всестороннюю поддержку со стороны развитых капиталистических стран. Как известно, Маркс допускал победу социалистической революции в отсталой стране при условии ее поддержки со стороны передовых стран, где уже победил социализм. Но чем могло быть мотивировано руководство развитых капиталистических стран, чтобы охотно делиться своими достижениями с молодой советской республикой, власти которой национализировали частную собственность и грезят мировой пролетарской революцией? Революция задела кровные интересы не только национального, но и иностранного капитала. На нефтяных промыслах в Баку в начале XX в. добывалась половина мировой нефти. Крупнейшими экспортерами и акционерами Бакинской нефти были иностранцы. Причем две трети иностранных инноваций поступало от крупнейших компаний Великобритании [Митчелл Т., 2014, с. 91–92]. В 1913 г. 70 % высокотехнологичных отраслей промышленности России принадлежали западным компаниям [Алферов Ж., 2018]. Понятно, что существование и расцвет социалистического государства не соответствовали долгосрочным экономическим, идеологическим, политическим и, как стало очевидно позже, геополитическим интересам развитых стран Запада. «Все нынешние санкции, инициированные против нас Америкой, — отмечал Ж. Алферов, — это бледная тень от тех санкций, которые были организованы капиталистическим миром против первой в мире социалистической страны. Потому что капитализм понимал, что это общество в советской России погубит их» [Алферов Ж., 2018]. Поэтому развитые западные страны в 30-е гг. прошлого века сознательно канализировали агрессивные устремления Гитлера на восток, на Советский Союз. А во время Второй мировой войны абсолютное большинство европейских государств стали союзниками гитлеровской Германии и воевали против СССР. В отличие от европейской буржуазии, проявившей соли-

дарность с господствующим классом Германии, установившим у себя и в оккупированных странах реакционный тоталитарный режим, рабочий класс этих стран не продемонстрировал пролетарский интернационализм, не встал на защиту завоеваний социалистической революции в России, напротив, под знаменами своих государств он принял массовое участие в войне на уничтожение «родины мирового пролетариата». Война показала, что вероятность мировой пролетарской революции является абстрактной возможностью. Похоже, в этом была одна из причин роспуска в 1943 г. И. Сталиным Коминтерна. Необходимо отметить, что Сталина обвиняют в разных прегрешениях, но не в отсутствии у него стратегического мышления. Осознание враждебного капиталистического окружения и потенциальной опасности новой интервенции буржуазных государств побудило советское руководство перейти от НЭПа к мобилизационной экономике.

Масштабная индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства были нацелены на преодоление существовавшего экономического и технологического разрыва между СССР и развитыми странами капитализма. В результате целенаправленной организаторской деятельности властей и героических трудовых усилий народа Советский Союз перед Второй мировой войной стал второй промышленной державой мира и обрел экономическую и военную независимость. В предвоенный 1940 г. производительность труда в промышленности сопоставимо с 1928 г. возросла в 3,4 раза, в строительстве — в 2,5 раза, на железнодорожном транспорте — в 2,7 раза [Экономическая история СССР, 2007]. Предприятия, построенные в годы первых пятилеток, стали основой военной экономики и послевоенного развития. Многие из них, уцелевшие в 90-е гг., позволили государству и бизнесу бывших советских республик существовать и получать прибыли, не вкладывая больших средств.

Темпы прироста производительности труда в послевоенные годы вплоть до 70-х гг. оставались высокими (более 6 % в год). Однако с начала 70-х гг. в силу ряда причин, в том числе субъективных (ошибки в управлении экономикой, недостаточное внимание, уделяемое научно-технической политике и т.д.), темпы прироста производительности труда стали неуклонно

снижаться. В последней пятилетке (1986–1990 гг.) этот показатель составил 1,5 % [Экономическая история СССР, 2007]. По росту производительности труда Советский Союз стал значительно отставать от развитых капиталистических стран. Между тем решение «ключевой задачи» советской власти было определяющим фактором победы в холодной войне.

Среди объективных причин, повлиявших в значительной мере на исход холодной войны, следует назвать возникшую после Второй мировой войны геополитическую асимметрию между США и СССР, которая усилила и укрепила экономический, научно-технический и технологический дисбаланс между социалистическими странами во главе с СССР и глобальным капитализмом, управляемым США. У Советского Союза было мало шансов выиграть холодную войну у глобализирующегося капитализма [Мусаелян Л.А., 2016, с. 33–34]. Указанное неравенство было историческим эхом Октябрьской политической революции 1917 г. в стране периферийного капитализма.

Из контекста изложенного напрашивается вывод: в России, преимущественно крестьянской стране, социалистическая (пролетарская) революция была преждевременным явлением. В свое время эту идею высказал Г.В. Плеханов. В современной аналитике есть немало сторонников такого взгляда на нашу историю. С их точки зрения, России, прежде чем перейти к строительству социализма, надо было дойти до уровня зрелого (западного) капитализма. По этой логике, Октябрьская революция — это не закономерный результат предшествующего развития общества, а скорее волюнтаристский акт политического насилия, прервавший естественный ход истории. Отсюда и оценка этой революции, даваемая в либеральных кругах российской интеллигенции, как политического переворота, осуществленного большевиками.

В 1915 г. Ленин сформулировал идею о существовании законов социальных революций [Ленин В.И., 1969, с. 218–219]. Согласно Ленину, революции происходят лишь тогда, когда наличествуют объективные и субъективные факторы радикальных системных преобразований в обществе. С этой точки зрения Октябрьская революция, произошедшая в «слабом звене капитализма», была, несомненно, закономерным явлением. Она не могла не произой-

ти, поскольку для этого существовали объективные и субъективные факторы. Как тогда объяснить развал СССР и распад мировой социалистической системы? В определенной мере ответ на этот вопрос был дан нами выше. Но речь идет не о феноменологическом описании событий, а о теоретическом осмыслении причин несостоявшегося социального проекта Маркса. Кроме того, остается открытым вопрос о перспективах этого проекта, политической теории Маркса. По мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, «уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка привели к возникновению в Советском Союзе мутантного социализма» [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291]. Поскольку технология созидания социализма в СССР была своеобразной калькой для строительства нового общества в других странах, то «мутантный социализм», с точки зрения авторов, был характерной чертой мировой системы социализма. Особенностью этого общества, согласно исследователям, является господство бюрократического централизованного планирования, позволяющего «жить и расти в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав...», но не сумевшего «дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века» [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291–292]. Среди недостатков реального социализма, подмеченных учеными, представляется важным их замечание о том, что это общество не смогло развить присущий ему потенциал прогресса производительных сил и человека как Личности [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291]. Поэтому «мутантный социализм» понимается как «тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы», который находится в начале общественного перехода от капитализма к коммунизму, но, не будучи устойчивой моделью, не может быть основанием для последующего движения к коммунизму [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 290]. Словом, перед странами периферийного капитализма, решившими реализовать

социальный проект Маркса, в перспективе маячит неустойчивая тупиковая система «мутантного социализма». Не лучше участь народов, оставшихся на орбите глобального капитализма и реализующих модель догоняющего развития, как это было в дореволюционной России и происходит после крушения Советского Союза. Их перспектива — исторический тупик и возможность потери государственности, поскольку разрыв между ядром мир-истории и периферией в современную информационную эпоху имеет тенденцию к возрастанию.

К какой идее Маркса надо было бы вернуться

Критически оценивая европоцентристские воззрения ученых, признающих возможность реализации социального проекта Маркса исключительно через западный развитый капитализм, В.Н. Шевченко выдвигает идею интеграции формационного подхода к истории с цивилизационным. По мнению ученого, страны периферийного капитализма — это незападные страны, обладающие своими цивилизационными особенностями, и их путь к социализму будет «сильно отличаться от европейского пути к европейскому социализму!» [Шевченко В.Н., 2016, с. 43]. В качестве примера он приводит опыт Китая, строящего социализм с китайской спецификой. «И чем дальше он развивается, — отмечает автор, — тем больше он “вспоминает”, воспроизводит многовековые китайские именно цивилизационные традиции» [Шевченко В.Н., 2016, с. 43]. Изучение особенностей современного незападного социализма, в том числе с российской спецификой, как отмечает В.Н. Шевченко, должно стать одной из задач современного марксизма. Учет цивилизационных особенностей незападных стран, по мысли российского философа, не отменяет логику формационного учения Маркса, но позволяет учесть сложность, многомерность исторического процесса. Нельзя не согласиться с автором в том, что нужно разрабатывать «современную марксистскую философию истории, которая должна дать объяснение, почему эти государства-цивилизации никогда не были и не станут капиталистическими по западному образцу, почему они шли и будут идти своим собственным путем», выбирая «для себя свои социалистические цели и идеалы» [Шевченко В.Н., 2016,

с. 43]. И если эти цели и идеалы будут совпадать с общечеловеческой социалистической перспективой, то они могут дать мощный импульс социалистическим преобразованиям, совсем непохожим на те, которые имели место в XX в. Понимание природы этих преобразований и является главной задачей творческого марксизма XXI в.

Итак, согласно В.Н. Шевченко, развитие политической философии Маркса в настоящее время предполагает изучение опыта социалистических преобразований в незападных странах. Несомненно, теоретическое осмысление социалистического строительства с «национальной спецификой» имеет большое значение. Но ценность теории не только в том, что она описывает и объясняет некие социальные процессы, но и в том, что она служит научным обоснованием и методологией созидания новой социальной реальности. Кроме того, поскольку о социалистической перспективе развитых стран капитализма ученый ничего не говорит, получается, что социализм находится на исторической траектории исключительно незападных обществ. Однако формационная теория Маркса не имеет цивилизационных ограничений, она отражает общую логику развития человечества. Аутентичная трактовка этой теории позволяет выявить допущенные в прошлом теоретические ошибки, которые не могли не сказаться на результатах практического воплощения социального идеала Маркса в СССР и других странах Восточной Европы. Представляется, что в марксистской литературе уделялось недостаточное внимание проблеме критерия выделения общественно-экономических формаций.

Сегодня фактически общепринятой является точка зрения, согласно которой Маркс выделял типы общества по способу производства. Однако это не совсем так. В ряде работ философа в качестве основания выделения формаций выступают производственные отношения [Маркс К., 1957b, с. 442]. Подобный подход демонстрирует и Ленин в своих ранних произведениях [Ленин В.И., 1967, с. 137–139]. Похоже, эти воззрения и определили логику осуществления Октябрьской революции, что давало основание А.А. Богданову иронизировать над вождями революции, которые сначала заявили о победе социалистической революции, а

затем стали строить социализм. По разным причинам в прошлом выделение типов общества по производственным отношениям было достаточно распространенным среди отечественных исследователей. Так, один из авторов, придерживающийся подобной точки зрения, писал, что «выдвижение на первый план при характеристике формации производительных сил, техники означает отход от марксистско-ленинского понимания формации, переход на позиции “теории стадий” У. Ростоу» [Фурман А.Е., 1970, с. 92]. Выделение производственных отношений в качестве критерия определения формаций, несомненно, имело и идеологическую мотивацию. По логике формационной теории, социалистическое общество представляет собой более высокую ступень развития человечества, нежели буржуазное. Определение социалистического типа общества по производственным отношениям давало формальное основание говорить о преимуществах социализма по сравнению с капитализмом. Но если при сопоставлении, скажем, США и СССР, ФРГ и ГДР, Великобритании и Югославии можно было еще как-то отстаивать такую точку зрения, при этом скромно умалчивая о заметных различиях между этими странами в уровне развития техники, технологии и в конечном счете производительности труда, то сравнение Китайской республики (Тайвань) и КНР, Южной Кореи и КНДР, Японии и Монголии (или Вьетнама) давало основание для вывода о том, что страны, относимые к социалистическим, вовсе не являются таковыми, а если они по формальным признакам относятся к социалистическим, то социализм не есть более высокая ступень развития человечества. Было очевидно, что, несмотря на то что революции в странах, относимых к социалистическим, начались с радикальных изменений производственных отношений, признание последних в качестве определяющего признака нового типа общества не является корректным.

Учитывая отмеченные трудности, в 60-х гг. прошлого столетия профессор МГУ К.М. Бостанджян выдвинул идею о существовании закона соответствия производительных сил способу производства [Бостанджян К.М., 1967]. «Новые производственные отношения, — отмечал ученый, — могут возникать только при таком уровне развития производительных сил, чтобы

первые имели возможность выполнять свою важнейшую функцию — быть необходимой формой дальнейшего прогресса» [Бостанджян К.М., 1986, с. 29]. Приведенная мысль московского экономиста невольно напоминает известную формулу «отца» китайских экономических реформ Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». В конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века существовавшие у нас в стране производственные отношения явно не способствовали развитию производительных сил, что вызвало резкое снижение темпов роста производительности труда, обострение социально-экономических противоречий, создавших условия для распада государства. Несмотря на то что выделение общественно-экономических формаций по способу производства в последние полвека среди исследователей стало фактически общепризнанным, инерция мышления, заданная логикой преобразований Октябрьской революции, дает о себе знать и по сей день.

В годы перестройки один достаточно известный автор, являющийся непрофессиональным философом, призывал в целях успешного строительства социализма освоить глубинные пласты теоретического наследия Маркса [Платонов С., 1990, с. 238]. К таким пластам, имеющим важное методологическое значение для созидания нового типа общества, можно отнести марксистскую идею выделения формаций по способу производства. Как представляется, глубинный (сущностный) смысл этого концепта не был понят исследователями. Формальная, поверхностная трактовка этого концепта сводится к конкретно-историческому единству производительных сил и производственных отношений. Однако аутентичное прочтение Маркса дает основание для вывода о том, что производительные силы и производственные отношения с разных сторон характеризуют уровень развития социальных индивидов, из которых состоит общество [Маркс К., 1969, с. 214]. Поэтому, по Марксу, основанием выделения формаций является степень целостного развития человека (человеческой сущности). Это важнейшая идея Маркса была в нашей литературе недооценена. Теоретический анализ способа производства редко доводился до сущностного уровня, что нередко приводило, как было показано выше, к отрыву производствен-

ных отношений от производительных сил, социальных функций (свойств) от социального субстрата. Маркс был очень последователен в реализации субстанционального подхода. В его философии человек — субъект, предмет, результат, цель исторического процесса и критерий периодизации истории. Целостное развитие человека в соответствии с его универсальной природой является основополагающей идеей философии истории немецкого мыслителя. Поэтому эта идея не может не быть базовым принципом его политической философии, нацеленной на созидание нового общества. Нельзя не согласиться с Э. Фроммом в том, что в социалистических странах марксистскую формулу о социализации средств производства превратили в ритуальное заклинание при полном пренебрежении человеком [Фромм Э., 1991, с. 38]. Нарушение базового принципа политической философии Маркса при строительстве социализма привело к дегуманизации идеи социализма, разочарованию населения в исторических перспективах, угасанию их творческого созидательного потенциала, усилению отчуждения между народом и властью. Отсюда и удивительное безразличие большей части населения Советского Союза к обострившейся в начале 90-х гг. борьбе политических элит за власть, завершившейся развалом государства. Вырождение понятия социализма, по мнению Э. Фромма, происходило и в западном марксизме, где социализм ассоциировался исключительно с экономическим благополучием (высокой заработной платой) рабочего. Идея социализма перестала нести в себе «обращенность к самым глубоким устремлениям и потребностям человека» [Фромм Э., 1991, с. 38].

Вырождение идеи социализма в западном марксизме и отчасти в современной России, как представляется, явилось результатом его идеологического и политического приспособления к социальной реальности потребительского общества, где деньги и потребление становятся индикатором успеха и смыслом жизни человека — человека экономического (*homo economicus*). Последний есть крайний случай человека частичного (*einen Teilmenschen*, согласно Марксу), возникшего в результате общественного разделения труда и расщепления единой неразвитой универсальной сущности человека на индивидуальную и родовую. Последующее

развитие общества, сопровождаемое накоплением богатства на одном полюсе и бедности на другом, усиливает отчуждение между индивидуальной и родовой сущностью человека, которое приобретает новые более сложные формы, проявляющиеся фактически во всех основных сферах общественной жизни. Указанное отчуждение, порождающее частичного человека, свою предельную форму приобретает в условиях развитого товарного производства.

Выводы

Социалистическая революция, ограничивающаяся национализацией средств производства, не достигает положительного упразднения частной собственности и различных форм отчуждения. Ввиду неразвитости человеческой сущности новые производственные отношения могут породить новую форму частной собственности [Кржегов В.С., 2018, с. 53], новую разновидность частичных индивидов и формы отчуждения. Согласно Марксу, человек в отличие от животного — существо не частичное, а универсальное, и как универсальное родовое существо человек — существо свободное [Маркс К., 1974, с. 92–94]. Политический способ социализации собственности есть в лучшем случае исторически необходимое, но недостаточное условие для реализации социального проекта Маркса. Целенаправленная последовательная работа властей по созданию условий для целостного развития человека в соответствии с его универсальной природой есть единственно возможный способ преодоления противоречия между человеческой сущностью и его существованием, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Это и есть, по Марксу, решение «загадки истории», есть торжество реального гуманизма [Маркс К., 1974, с. 116]. Решение этой задачи есть условие полной победы социалистической революции, если она началась с революции политической, а в условиях современной России это единственный способ стабилизации экономической и политической ситуации. Таким образом, решение «загадки истории» является одной из важнейших теоретически и политически значимых проблем творческого наследия Маркса, над которой должны работать современные ученые-марксисты.

Список литературы

- Алферов Ж.* И все-таки почему социализм? // Российская газета. 2018. № 220. 2 окт. URL: <https://rg.ru/2018/10/02/chto-pisal-o-kapitalizme-albert-ejnshtejn.html> (дата обращения: 12.09.2019).
- Богданов А.А.* Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.
- Бостанджян К.М.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М.: Мысль, 1967. 301 с.
- Бостанджян К.М.* Экономический и социальный прогресс при социализме. М.: Экономика, 1986. 183 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2007. 512 с.
- Бузгалин А.В., Линке П.* СССР. Незавершенный проект. М.: Ленанд, 2013. 528 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
- Калашников М.Ф.* Социальный идеал. Теория и современность. Опыт социально-философского анализа. Пермь: ПГПУ, 2006. 279 с.
- Кржегов В.С.* Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002583-6>
- Кумар К.* Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 125–135. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).
- Ленин В.И.* Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 1–29.
- Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 209–265.
- Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 165–208.
- Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 125–346.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 920 с.
- Маркс К.* Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 6. С. 428–459.

- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. II. 626 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014. 408 с.
- Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
- Ойзерман Т.И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 16–31.
- Олейников Ю.В. Верификация революционных прозрений Маркса // Философские науки. 2018. № 4. С. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-27-44>
- Платонов С. После коммунизма: книга не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990. 255 с.
- Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 156–217.
- Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.
- Фромм Э. Социализм // Коммунист. 1991. № 11. С. 27–38.
- Фурман А.Е. Исторический материализм: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 371 с.
- Шаинян К. Империя хлопка: малоизвестная кровавая история капитализма // Republic. 2015. 16 янв. URL: <https://republic.ru/posts/1533> (дата обращения: 12.03.2015).
- Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.
- Экономическая история СССР / под ред. Л. И. Абалкина. М.: Инфра-М, 2007. 496 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 5–338.
- Энгельс Ф. Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. С. 559–564.
- Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.

- Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху, 21–22 сент. 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.

Получено 03.10.2019

References

- Abalkin, L.I. (ed.) (2007). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR* [Economic history of the USSR]. Moscow: P'fa-M Publ., 496 p.
- Alferov, Zh. (2018). *I vse-taki pochemu sotsializm?* [And yet, why socialism?]. *Rossiyskaya gazeta*. No. 220, oct. 2. Available at: <https://rg.ru/2018/10/02/chto-pisal-o-kapitalizme-albert-ejnshtejn.html> (accessed 12.09.2019).
- Bogdanov, A. (1990). *Voprosy sotsializma* [Socialism issues]. Bogdanov A. *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Bogdanov A. Socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 295–351.
- Bostandzhyan, K.M. (1967). *Dialektika stanovleniya kommunisticheskogo sposoba proizvodstva* [Dialectics of the formation of the communist mode of production]. Moscow: Mysl' Publ., 301 p.
- Bostandzhyan, K.M. (1986). *Ekonomicheskii i sotsial'nyy progress pri sotsializme* [Economic and social progress under socialism]. Moscow: Ekonomika Publ., 183 p.
- Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2007). *Global'nyy kapital* [Global capital]. Moscow: Editorial URSS Publ., 512 p.
- Buzgalin, A.V. and Linke, P. (2013). *SSSR. Nezavershennyi proekt* [The USSR. Incomplete project]. Moscow: Lenand Publ., 528 p.
- Engels, F. (1961). *Anti-Dyuring* [Anti-During]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20. pp. 5–338.
- Engels, F. (1962). *Interv'y u F. Engel'sa korrespondentu frantsuzskoy gazety «Le Figaro» 11 maya 1893 goda* [Le Figaro interviews Engels]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 22, pp. 559–564.
- Engels, F. (1961). *K zhilishnomu voprosu* [The housing question]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 18, pp. 203–284.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo J. Blokh, 21–22 sent. 1880 g.* [Letter to J. Bloch, September 21–22, 1880]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 393–397.

Fromm, E. (1991). *Sotsializm* [Socialism]. *Kommunist* [Communist]. No 11, pp. 27–38.

Furman, A.E. (1970). *Istoricheskiy materializm: kurs lektsiy* [Historical materialism: a course of lectures]. Moscow: MSU Publ., 371 p.

Hegel, G.W.F. (1974). *Nauka logiki* [Science of logic]. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the philosophical sciences]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, 452 p.

Kalashnikov, M.F. (2006). *Sotsial'nyy ideal. Teoriya i sovremennost'. Opyt sotsial'no-filosofskogo analiza* [The social ideal. Theory and modernity. The experience of socio-philosophical analysis.]. Perm: PSPU Publ., 279 p.

Krzhevov, V.S. (2018). *Teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i programma sotsialisticheskoy revolyutsii v Rossii* [Theory of social formations and the socialist revolution program in Russia]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 12, pp. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002583-6>

Kumar, K. (1992). *Marksizm i utopiya* [Marxism and utopia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 3, pp. 125–135. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf> (accessed 11.10.2018).

Lenin, V.I. (1967). *Chto takoe druž'ya naroda i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov* [What the friends of the people are and how they fight the Social Democrats]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 1. pp. 125–346.

Lenin, V.I. (1969). *Krakh II Internatsionala* [The collapse of the Second International]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26, pp. 209–265.

Lenin, V.I. (1970). *Velikiy pochini* [The great initiative]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 1–29.

Lenin, V.I. (1974). *Ocherednye zadachi sovetskoy vlasti* [The immediate tasks of the Soviet government]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 36, pp. 165–208.

Marx, K. (1969). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg.* [Economic manuscripts 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 2, 626 p.

Marx, K. (1974). *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Marx, K. (1960). *Kapital T. 1* [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 920 p.

Marx, K. (1957). *Naemnyy trud i kapital* [Wage labour and capital]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 6, pp. 428–459.

Marx, K. (1957). *Vosemnadsatoe bryumera Lui Bonaparta* [The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 8, pp. 115–217.

Mitchell, T. (2014). *Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v epokhu nefi* [Carbon democracy. Political power in the oil age]. Moscow: Delo Publ., 408 p.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.

Oleynikov, Yu.V. (2018). *Verifikatsiya revolyutsionnykh prozreniy Marksa* [Verification of Karl Mark's revolutionary insights]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 4, pp. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-27-44>

Oyzerman, T.I. (2002). *Marksistskaya kontseptsiya sotsializma i real'nyy sotsializm* [The marxist concept of socialism and real socialism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 3, pp. 16–31.

Platonov, S. (1990). *Posle kommunizma: kniga ne prednaznachennaya dlya pechati* [After communism: a book not for print]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 255 p.

Semenov, Yu.I. (1997). *Vsemirnaya istoriya kak edinyy protsess razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve* [World history as a single process of human development in time and space]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1, pp. 156–217.

Semenov, Yu.I. (1998). *Marksova teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's theory of socio-economic formations and modernity]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3, pp. 190–233.

Shainyan, K. (2015). *Imperiya hlopka: maloizvestnaya krovavaya istoriya kapitalizma* [The

empire of cotton: a little-known bloody history of capitalism], *Republic*. Jan. 16. Available at: <https://republic.ru/posts/1533> (accessed 12.03.2015).

Shevchenko, V.N. (2016). *Tsivilizatsionnyy podkhod pod ognem kritiki* [Civilization approach under

the fire of criticism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 2, pp. 33–44.

Received 03.10.2019

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 14–28.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28

For citation:

Musayelyan L.A. [Marx's theoretical heritage and modernity. Part 2. Theory and practice of Marxism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 14–28 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28